

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ.

ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ В ФОРМИРОВАНИИ

АНТИКОРРУПЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОДРОСТКОВ.

**1 КУРС ОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ СПО И НПО**

Примерное планирование по интегрированному курсу Всеобщей и Российской истории
10 класс. (70 часов)

Учебник «Россия и мир с древнейших времён до конца XIX века». / О.В.Волобуев,
В.А.Клоков, М.В.Пономарёв, В.А.Рогожкин. - М.: Дрофа, 2005 - 2009гг.

Формирование антикоррупционного мировоззрения школьников на уроках истории и
обществознания/

Методическое пособие. О.Н.Журавлёва- М., «Вентана-Граф», 2010.

Данное поурочное планирование ориентировано на изучение интегрированного курса
Всеобщей и Российской истории на 1 курсе на базовом уровне из расчёта 70 часов в год (2 часа в
неделю). Антикоррупционное мировоззрение включено в темы уроков в виде модулей
«Злоупотребления должностных лиц».

№ урока	Название тем и уроков	№ §
1	Тема 1. Цивилизации Древнего мира и раннего Средневековья. 7 часов(+3)	
1-2	Древний Восток и античный мир.	§ 1
3	Рождение европейской средневековой цивилизации.	§2
4	Страны Западной Европы в Раннее Средневековье.	§3
5	Византийская империя и восточнохристианский мир.	§4
6	Исламский мир	§ 5
7	Повторительно - обобщающий урок.	
	Тема 2. Древняя Русь. 12 часов. (+5)	
1	<i>Народы Восточной Европы.</i>	§6
2	<i>Восточные славяне в древности.</i>	
3-4	<i>Возникновение Древнерусского государства. Крещение Руси.</i>	§8
5-6	<i>Государство и общество. (Злоупотребления должностных лиц)</i>	§9. (модуль 1)
7	<i>Церковь и культура.</i>	§10
8-9	<i>Раздробленность Руси.</i>	§ 11
10-11	<i>Русь между Востоком и Западом.</i>	§ 12-13
12	<i>Повторительно - обобщающий урок.</i>	§6-13
	Тема 3. Западная Европа в XI - XV веках. 4 часа. (+3)	
1	Характерные черты экономического и политического развития стран Западной Европы в XI - XV веках.	§14
2	Основные проблемы взаимодействия средневековых цивилизаций.	.
3	Культура средневекового Запада.	§ 16
4	Повторительно - обобщающий урок.	§14-16
	Тема 4. Российское государство в XIV-XVII веках 10 часов. (+7)	

1-2	<i>Москва во главе объединения русских земель.</i>	§ 17-18
3	<i>Россия: третье православное царство.</i>	§ 19
4-5	<i>Кризис государства и общества. (Злоупотребление должностных лиц)</i>	§20(модуль 2)
6-7	<i>Становление самодержавия Романовых. (Злоупотребление должностных лиц)</i>	§21(модуль 3)
8	<i>Начало формирования многонационального государства.</i>	§22
9	<i>Русская культура.</i>	§23
10	<i>Повторительно-обобщающий урок.</i>	§17-23
	Тема 5. Запад в Новое время. 7 часов. (+3)	
1	<i>Европа в Начале Нового времени.</i>	§24
2	<i>Государство и общество стран Западной Европы в XVII веке.</i>	§25
3	<i>Характерные черты эпохи Просвещения.</i>	§26
4-5	<i>Революции XVIII столетия.</i>	§ 27-28
6	<i>Основные тенденции развития европейской культуры XVI- XVIII веков.</i>	§ 29
7	<i>Повторительно – обобщающий урок</i>	§24-29
	Тема 6. Российская империя XVIII века 7 часов. (+5)	
1-2	<i>Власть и общество. (Злоупотребление должностных лиц)</i>	§ 30(модуль 4)
3	<i>Социально -экономическое развитие страны.</i>	§31
4-5	<i>Расширение территории государства.</i>	§32
6	<i>Образование, наука, культура.</i>	§33
7	<i>Повторительно-обобщающий урок.</i>	§30-33
	Тема 7. Запад в XIX веке. Стаиовление индустриальной цивилизации 7 часов. (+3)	
1	<i>Общая характеристика эпохи наполеоновских войн.</i>	§ 34
2	<i>Промышленный переворот и становление индустриального Запада.</i>	§35
3-4	<i>Революции и реформы в странах Запада в первой половине XIX века</i>	§ 36-37
5	<i>Идейные течения и политические партии.</i>	§38
6	<i>Колониальные империи</i>	§ 39
7	<i>Особенности развития- стран Запада во второй половине XIX века.</i>	§ 40
	Тема 8. Россия на пути модернизации. 11 часов. (+5)	
1-2	<i>Российское государство в первой половине XIX века. (Злоупотребление должностных лиц)</i>	§ 41(модуль 5)
3-4	<i>Общественная жизнь в первой половине XIX века.</i>	§42
5-6	<i>Реформы 1860-1870-х годов. (Злоупотребление должностных лиц)</i>	§43-44(модуль6)
7-8	<i>Общественное движение в России во второй половине XIX века.</i>	§ 45
9-10	<i>Россия многонациональная империя.</i>	§ 46-47
11	<i>Повторительно - обобщающий урок.</i>	§41-47
	Тема 9. Культура XIX века. 5 часов. (+1)	
1	<i>Научно-технический прогресс и общество.</i>	§48
2	<i>Мировая литература и художественная культура.</i>	§49
3-4	<i>Культура России в XIX веке.</i>	§ 50
5	<i>Итоговое повторение</i>	

МОДУЛЬ 1. Злоупотребление должностных лиц в XI–XIII вв.

Вместе с появлением государственности, властно–подчинительных связей появилась и коррупция. Она свойственна всем странам независимо от политического устройства и уровня политического развития и различается лишь масштабами.

Рассмотрим феномен коррупции в истории Российского государства.

Н.Г. Чернышевский в «Письмах без адреса» писал: «Искони веков, от Рюрика до наших дней, богата была наша Русь взяточниками...» Русская государственность на начальных этапах своей истории характеризовалась княжеско–дружинным управлением. Они и составляли «аппарат власти». Дружина жила за счёт доходов князя, многочисленные пиры и раздача богатств служили средством сплочения дружины и поддержания княжеского авторитета. В конце XI в. современник, вспоминая «древних князей и мужей их», которые не в пример новым «не собираху много имения, ни творимых (искусственных) вир, ни продаж вскладаху на люди, но оже будяше правая вира, а ту взимааше и дружине на оружие дая»¹.

В древнерусских источниках сведения о первых злоупотреблениях должностных лиц сохранились примерно с XII в. Так, уже Даниил Заточник предостерегал: «Не имей себе двора близ царёва двора и не держи села близ княжего села: ибо тиун (должностное лицо в хозяйстве князя. — **О.Ж.**) его — как огонь, на осине разожжённый, а рядовичи (категория зависимых от князя людей. — **О.Ж.**) его — что искры. Если от огня и устережешься, то от искр не сможешь устеречься и одежду прожжешь»². Современники Даниила Заточника с сомнением спрашивали, какая судьба ожидает тиуна на том свете, потому что тиун несправедливо судит, взятки берёт, людей мучит. Летопись XIII в. рассказывает: когда митрополит Кирилл покинул разорённый монгольскими полчищами Киев и отправился во Владимир, то повсеместно проповедовал против «мздоимства, чародейства и пьянства».

Осуждение обществом этого порока сопровождалось порицанием и на государственном уровне. Правовые памятники этого периода не содержат статей о преступлениях против государственной власти и службы, тем не менее в Пространной редакции «Русской Правды» есть две статьи (ст. 9 и 74), в которых устанавливаются фиксированные размеры натурального и денежного обеспечения общиной государственных чиновников. Государственным чиновникам, собиравшим виры, и судебным чиновникам при взыскании ими продажи полагалась определённая сумма от взысканных штрафов (**У**– часть), а также обеспечение продуктами питания. Несмотря на фиксацию размера содержания, сам принцип процентного отчисления судьям от каждого штрафа не мог не способствовать искусственному увеличению количества уголовных дел. Наказания производились по усмотрению князя или его доверенных лиц — в основном имущественного взыскания.

МОДУЛЬ 2. Злоупотребление должностных лиц в XIV–XVI вв.

Законодательство XIV–XVI вв. запрещало «посулы», понимая под ними незаконное вознаграждение за осуществление официальных властных полномочий. Первое упоминание о «посуле» в законодательстве Руси связано с Двинской уставной грамотой Василия I (1397–1398 гг.), статьей 6¹. Посул — слово, имевшее в русском языке несколько значений: это и обещанная плата, и выкуп, и пошлина, и взятка. В Псковской и Новгородской (сер. XV в.) судебных грамотах понятие «посула» употребляется в смысле взятки: «А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику» (ст. 4) (словосочетание «тайный посул» имеет цель усилить смысл запрета) и «докладшиком от доклада посула не взять...» (ст. 26)–. Для отступников упоминалась Божья кара, а наказания (имущественные) определял князь или его приближённые.

Первым, кто в российской истории попытался законом ограничить действия казнокрадов, стал Иван III (1462–1505). В Судебнике 1497 г. предусматривалось ограничение коррупционных действий и впервые в Русском государстве вводился запрет брать посулы (взятки): «Судити суд бояром и околничим.

А на суде быти у бояр и у околничих диаком. А посулов бояром, и околничим, и диаком от суда и от печалования не имати; також и всякому судне посула от суда не имати никому. А судом не мсти–ти, ни дружити никому»¹. Однако формальные запрещения были мало эффективны. Преступления должностных лиц всё более распространялись, и к XVI в. стало очевидно, что без установления в законодательном порядке санкций борьба со взяточничеством и лихоимством невозможна.

Центральное место с середины XVI в. занимает Судебник 1550 г. В период царствования Ивана Грозного по этому Судебнику взяточничество было официально признано тяжким преступлением и устанавливались строгие наказания за нарушение должностными лицами этого запрета. Так, в первой статье отмечалось: «А судом не дружити и не мстити никому, и посулу в суде не имати; також и всякому судье посулов в суде не имати». Расширялся круг лиц, подлежащих ответственности за должностное преступление — «боярин, или окольничий, или дворецкий, или дьяк». Устанавливалась ответственность за должностное преступление, совершённое в результате получения взятки:

«3. А который боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возьмёт и обвинит не по суду..., и на том боярине, или на дворецком, или на казначеи, или на дьяке взяти ис–цов иск...»

4. А который дьяк список нарядит или дело запишет не по суду, не так, как на суде было, без боярского, или без дворецкого, или без казначеева ведома, а обыщетца то в правду, что он от того посул взял, и на том дьяке взяти перед боярином вполы да вкинута его в тюрьму.

5. А подъячей, которой запишет не по суду для посула без Дьячего приказу, и того подъячего казнити торговою казнью, би–ти кнутём»².

В Судебнике Ивана IV фиксируется одна из мер, с помощью которых правительство пыталось бороться с преступлениями такого рода: надзор начальников за своими подчинёнными. Согласно ст. 4 дьяк, составивший за взятку подложный протокол или

искаживший показания сторон, уплачивал сумму иска и подвергался тюремному заключению. Вторую половину должен был уплатить боярин, не уследивший за своим подчинённым. Ответственность предусматривалась в виде денежных выплат, временного и бессрочного тюремного заключения. Кроме того, избалованные в преступлении подвергались телесным наказаниям. Виновному привязывали к шее вещь, взятую им в подарок, например, кошелёк, серебро, жемчуг, солёную рыбу¹. Впервые в качестве наказания за чрезмерность во взятках была применена смертная казнь: так по царскому приказу поступили с дьяком, который принял в качестве взятки жареного гуся, начинённого монетами: его вывели на торговую площадь, и царь спросил у палачей, кто умеет разрезать гуся. Затем царь приказал отрубить у дьяка ноги, руки, и, наконец, отсечь голову.

Германский дипломат Герберштейн заметил, что Иван IV зорко следил за тем, чтобы бояре не богатели без царского на то благословения, чтобы они приучались считать своё богатство царским подарком. Идея, что богатство является наградой за политическую благонадежность, а демонстрация личной преданности есть более надёжное средство достижения материального благополучия, чем энергия и деловые качества, укоренялась в сознании подданных. Не случайно при составлении всякого рода прошений просители «припадали к стопам», клялись в вечной преданности и «слёзно» просили о милостивом наделении их землями и крепостными. При этом достаточно было оказаться в опале, ссылке, чтобы имущество было конфисковано.

Таким образом, в отличие от «почести» и платы «за работу» посул был запрещён законом как взятка (в современном смысле слова). Но граница между взяткой и платой за труд была довольно условной. Политический строй Московского государства развивался в сторону централизации, но достаточно оформленного государственного аппарата ещё не было. Административно-территориальное деление было архаичным. В это время в условиях отсутствия профессиональных управленческих кадров практиковалось назначение служилых людей в город или волость «для расправы людям и всякого устройства землям, себе же для покая и прокормления». Власть на местах была передана в руки наместников и волостелей, которые получали в управление отдельные территории (уезды, волости) и за выполнение административных и судебных функций местная власть казённого жалованья от московской власти не получала, а получали в своё распоряжение судебные пошлины и часть налогов с населения, собранных сверх установленных податей в казну, т. е. они «кормились» за счёт населения управляемых ими территорий. В дошедших до нас записях земских старост о расходах подробно указывается, сколько денег, мяса, рыбы, свечей, пирогов и других полезных в хозяйстве предметов «несено» воеводе, подьячим и прочим слугам государевым. Такие подношения были делом обыкновенным и непротивозаконным. Даже в московских приказах, где большая часть служащих получала жалованье, пусть и небольшое, «кормление от дел» было существенным и вполне легальным источником чиновничьего благосостояния. По свидетельству современников, в течение Святой недели судьям дозволялось вместе с крашеными яйцами принимать малоценные вещи и даже деньги от 1 до 12 рублей. Такие подношения не рассматривались как посул.

Финансовые трудности государства не позволяли регулярно платить даже минимальное жалованье, и практика «кормления от дел» являлась частью государственной системы содержания чиновничества, фактически узаконенным способом личного обогащения чиновника. Система кормлений сыграла крайне негативную роль в разведении госаппарата коррупцией.

Земской реформой 1555—1556 гг. институт «кормления» был ликвидирован, а сборы на содержание кормленщиков превращались в особый налог в пользу казны.

С этого времени можно говорить о развитии коррупции в современном смысле слова. Продолжается стремление правительственной администрации противостоять этому злу.

По свидетельству историка С.М. Соловьёва, «иностранные, как и русские, говорят о старании царя Бориса уничтожить взяточничество. Если судья был уличён во взятках, то должен был возратить взятое, заплатить штраф от 500 до 1000 и 2000 рублей, имение его отбирали в казну. Если это был дьяк, не пользовавшийся случайно особенным расположением власти, то его возили по городу и секли, причём висел у него на шее мешок со взяткою, будь то деньги или мех, или солёная рыба; потом преступника заточали. Но взяточничество не уменьшалось, только взяточники поступали осторожнее: для избежания подозрения просители вешали подарок к образу в доме правительственного лица или при христосовании всовывали деньги в руку вместе с красным яйцом»¹. В годы Смуты сам царский престол стал предметом интриг.

МОДУЛЬ 3. Злоупотребление должностных лиц в XVII веке.

Утверждение новой династии Романовых после 1613 г. сопровождалось переходом в местном управлении (областями) от принципа выборности администрации к назначению её царём. Создавался определенный порочный круг: внутреннее расстройство жизни в стране после Смуты требовало концентрации средств и ресурсов центральной властью и вызывало рост произвола администрации, затрудняя преодоление последствий кризиса. Слабая информированность правительства о положении дел на местах, особенно в отдалённых окраинах, заставляла идти на предоставление широких полномочий воеводам. Но то же самое расстройство хозяйства не позволяло, отменив кормления, ввести выплату жалования воеводам. Так, по словам А. Оллария, в XVII в. «брать взятки всем строго запрещается, под опасением наказания за то кнутом, по их тайно берут, особенно писцы, которые вообще охотно принимают посулы или подарки...».

Ярким примером того, к каким последствиям может привести коррупция, является Соляной бунт 1648 г. в Москве. Масштабы коррупции в это время настолько возросли, что послужили одним из поводов к восстанию. Непопулярные меры правительства в налоговой системе усугублялись лихоимством высокопоставленных чиновников. Особенно отличился возглавлявший Земский приказ Леоитий Плещеев, который превратил суд в инструмент беспредельного вымогательства (по ложным обвинениям сажал людей в тюрьму и освобождал только за взятку), а также его шурин, руководитель Пушкарского приказа Пётр Трахониотов, который

месяцами не выплачивал жалование стрельцам, оружейникам и иным подчинённым, присваивая деньги служилых людей. Во время бунта участники потребовали выдать упомянутых лихоимцев, и требования москвичей были выполнены. Палач вывел Плещеева на площадь, и толпа буквально растерзала взяточника, а его труп втоптала в грязь. На следующий день печальная участь постигла и Трахониотова. Его водили с колодкой на шее по столице, а затем казнили. Это послужило хорошим уроком для других чиновников, хотя взяточничество не прекратилось. Царю Алексею Михайловичу пришлось в специальном обращении к восставшим обещать, что он сам будет следить за тем, чтобы вновь назначенные судьи чинили расправу «без посулов». Однако данное антикоррупционное выступление народных масс фактически является единственным примером в нашей истории.

Тенденцию борьбы с должностными преступлениями продолжило Соборное уложение 1649 г. Принятое после Соляного бунта, это уложение, действовавшее в России более двух веков, осуждало взяточничество и предусматривало многочисленные наказания за преступления, подпадающие под понятие коррупции: подлог при переписке судного дела, утайка пошлин при регистрации дел и т. д. К нарушителям применялись достаточно суровые меры — от денежного взыскания и запрета на должность до «битья кнутом или батогами (в зависимости от сословия), казни либо отсечения руки, но многие наказания по-прежнему отдавались на усмотрение царя — «что Государь укажет»¹.

Должностное лицо, уличённое в коррупции, должно было вернуть взятые подарки и подвергнуться праведу, т. е. битью батогами. Размер штрафа мог колебаться, по свидетельству современников, от 500 до 1000 рублей. Дьяков наказывали кнутом, привязав к шее взятую в подарок вещь, а гатем отправляли в ссылку. Судьи за взятки подвергались казни. Если же судья совершал ошибку «без хитрости», то к нему, согласно положению статьи 10 главы X Соборного уложения, применялась ответственность по тому же принципу — «что Государь укажет». Статья 6 главы X «О суде» распространяла эти наказания и на городские власти:

«5. А будет который боярин или околничей, или думной человек, или дьяк, или иной какой судья, исца или ответчика по посулом, или по дружбе, или по недружбе правого обвинит, а виноватого оправит, а сыщется про то допряма, на тех судьях взяти исцов иск втрое, и отдати исцу, да и пошлины и пересуд и правой десяток взяти на государя на них же. Да за ту же вину у боярина, и у околничего, и у думного человека вгяти честь. А будет кото

рый судья такую неправду учинит не из думных людей, и тем учи- нити торговая казнь, и вперёд им у дела не быти.

6. Да и в городех воеводам и дьяком и всяким приказным людем за такая неправды чинити тот же указ».

Уложение узаконило доносительство об измене и недонесении, что можно считать одним из важнейших оснований для дальнейшего роста вымогательства. Судью, бравшего взятки, могли уличить собственные его слуги или взятодатели, которые, по словам В.О. Ключевского, нередко пользовались доносом в случае, если не были удовлетворены исходом разбирательства.

Анализ норм уложения царя Алексея Михайловича показывает, что основной законодательный акт XVII в. существенно дополнил законодательство по борьбе с лихоимством в сфере судебной деятельности, в ратном деле (за отпуск ратных людей со службы без государева указа, за взятки), но серьёзных изменений в правовое регулирование борьбы со взяточничеством в других сферах не внёс. Через пять лет после принятия уложения в 1654 г. за «посулы» были биты кнутом князь Алексей Кропоткин и дьяк Иван Семёнов, взявшие соответственно 150 и 30 рублей и бочку вина с купцов, которых царь Алексей Михайлович собирался переселить в Москву. Купцы предпочли дать взятку, чтобы не переезжать, не подозревая, что решение уже было отменено. Борьба велась, но прежде всего с грубейшим лихоимством, вымогательством и насилием, при попустительстве к менее вопиющим действиям. Принятие подарков воеводами и другими служилыми людьми не наказывалось. Так историк В.Н. Татищев описывал случай, когда Алексей Михайлович при назначении кого-то воеводой сказал, чтобы тот, наживши денег, купил себе деревню. По окончании срока службы воевода отчитался, что «нажил» всего 400 рублей. После проверки его слов, показавшей, что брал он действительно только то, что приносили «в почесть», но сам не вымогал, царь дал этому «доброму человеку»¹ другой «нажиточ- ный город» в управление¹.

Итак, российское законодательство давно обратило внимание на проблему должностных преступлений. Отправной точкой в зарождении коррупционных отношений можно считать традиции «почести», подношений даров за выполненную работу. В законодательстве «почесть» — официально незапрещённая форма добровольного приношения (до введения запретов при Петре I). В дальнейшем почесть преобразовалась в мздоимство (получение чиновником каких-либо благ за совершение законных действий или бездействия) и лихоимство (получение чиновником каких-либо благ за совершение противоправных действий, бездействия). Последствия системы «кормлений», позаимствованной у Византии, веками проявлялись в российской действительности. Несмотря на многочисленные запрещения, коррупционные действия с ростом управленческого аппарата приобретали всеобъемлющий характер.

МОДУЛЬ 4. Злоупотребление должностных лиц в XVIII веке.

Борьба с коррупционными преступлениями занимала важное место во внутренней политике Петра I (1682—1725). Он уделял должное внимание борьбе с коррупцией, например проводя губернскую реформу 1708 г., достижением которой была организация государственной службы за жалование. Только при Петре I все «слуги государевы» стали получать фиксированную ежемесячную плату, а подношения в любой форме начали считаться преступлением. Большое значение в борьбе Петра I с должностными преступлениями имело введение в 1711 г. института фискалов, с помощью которых Сенат осуществлял контроль над деятельностью государственных чиновников. Эта особая категория лиц была призвана тайно выявлять, доносить и обличать в суде должностных лиц, виновных в преступлениях, наносящих вред государству, в том числе во взяточничестве, казнокрадстве и др. (указ 1714 г. «О фискалах и о их должности и действии»¹). Однако порок взяточничества имел место и среди самих фискалов. Например, сам обер-

фискал Нестеров был уличён во взятии с провинциал-фискала Попцова деньгами — 300 рублей, а также рожью, скотиной, часами и др.² и был подвергнут мучительной казни — колесованию.

В 1722 г. соответственно с указами Петра I была создана прокуратура как орган для контроля и присмотра за выполнением законов. В обязанности генерал-прокурора входили: защита интересов императора, государства, церкви и граждан, которые не могут сделать это сами. Перед прокуратурой ставилась задача «уничтожить или ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония».

18 января 1722 г. император назначил графа П.И. Ягу-жинского первым генерал-прокурором Сената. Представляя его сенаторам, Пётр I сказал: «Вот око мое, коим я буду все видеть». Эта же мысль нашла своё отражение и в Указе от 27 апреля 1722 г. «О должности генерал-прокурора»: «И понеже сей чин — яко око наше и стряпчий о делах государственных». Указ устанавливал основные обязанности и полномочия генерал-прокурора по надзору за Сенатом и руководством подчинёнными органами прокуратуры. Прокуроры в любое время могли просматривать любые судебные дела, требовать ведомости об исполнении императорских указов. Если в законах или регламентах обнаруживали недостатки, то генерал-прокурор предлагал Сенату их исправить. Назначался генерал-прокурор самим царём и отчитывался только перед ним. Именно генерал-прокурор мог и должен был доносить государю о злоупотреблениях высокопоставленных лиц.

Один иностранец, посетивший тогда Россию, оставил нелицеприятную запись о царивших в ней нравах: «На чиновников здесь смотрят как на хищных птиц. Они думают, что со вступлением их на должность им предоставлено право высасывать народ до костей». Царь осознавал опасность, которую создавала коррупция для проводимых им государственных реформ. Указ от 23 октября 1713 г. «О доношении всяким людям о государственных интересах царскому величеству самому» обещал вознаграждение тем, кто донесёт на казнокрадов, и «кто на такого злодея подлинно донесёт, ...тому за такую его службу богатство того преступника движимое и недвижимое отдано будет; а буде достоин будет, дастся ему и чин его...».

Следует отметить значение Указа Петра I «О воспрещении взяток и посулов» (опубликован 24 декабря 1714 г.), в котором взяточничество квалифицировалось как преступление, подлежащее строжайшему наказанию. Посулы (взятки) — незаконные поборы с населения, вымышленные подряды — объявлялись вне закона. За взяточничество Пётр I установил смертную казнь. В более лёгких случаях — вечная ссылка с вырыванием ноздрей и конфискация имущества. Отличительной чертой Указа стало введение принципа равной ответственности за взяточничество для всех чиновников, независимо от занимаемой ими должности. В качестве предупредительной меры Указом было предусмотрено обязательное ознакомление всех чиновников с текстом законодательного акта под расписку, чтобы впоследствии неведением никто не отговаривался.

►► Указ Петра I

«О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное»

Понеже многия лихоимства умножились, между которыми и подряды вымышлены и прочия тому подобныя дела, которыя уже наружу вышли, о чем многие, яко бы оправдая себя, говорят, что сие незаказано было, не разсуждая того, что всё то, что вред и убыток Государству приключить может, суть преступления. И дабы впредь плутам (которые стремятся лишь к тому, чтобы подложить мину под всякое доброе дело и удовлетворять свою несытость) невозможно было никакого оправдания сыскать, того ради запрещается всем чинам, которые у дел приставлены великих и малых, духовных, военных, гражданских, политических купецких, художественных и прочих... требовать никаких посулов казённых и с народа собираемых денег брать, торгом, подрядом и прочими вымыслы, какого звания оные и манера ни были... А кто дерзнёт сие учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, всего имущества лишен, шельмован, и из числа добрых людей извержен, или и смертию казнён будет. ...И дабы неведением никто не отговаривался, велеть всем стоящим у дел расписаться под этим указом... а везде прибить печатные листы.

С 1715 г. все чиновники стали получать фиксированную зарплату, но из-за постоянных войн её задерживали или не выплачивали вовсе. Многие чиновники (а их количество сильно возросло) бедствовали, поэтому для низших классов взятки нередко были единственным способом выживания. Об этом говорит и «финансовая ведомость» одной из московских слобод: из 116 рублей мирских средств 109 рублей за год было израсходовано на взятки.

Борьбу продолжил принятый 5 февраля 1724 г. Указ «О различии штрафов и наказаний за государственные и партикулярные преступления». Посредством данного указа правительство постаралось донести до служащих мысль, что борьба с лихоимством есть общее государственное дело, и её успех во многом зависит от служебной безупречности высших чиновников, которые являлись примером для своих подчинённых. Если подчинённые увидят, что их начальник «лакомства ради погрешит», то они его бояться не станут, и сами станут вести себя подобным образом, что в итоге приведёт к разорению людей в государстве, «и может быть государству... конечное падение»¹.

Победить взяточничество оказалось задачей крайне сложной. Принимаемые меры желаемого эффекта не давали. Уместно вспомнить в этой связи строки Максимилиана Волошина:

**Великий Пётр был Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет к её грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,**

**Опричь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле...²**

При Петре взяточников действительно били батогами, клеймили, ссылали, но государственные мужи даже под страхом казни продолжали использовать своё служебное положение в целях личной наживы. Так, после многолетнего следствия был обвинён в противозаконных действиях и повешен при всём честном народе сибирский губернатор Матвей Гагарин (напомним, что через три года также за взяточничество четвертовали фискала Нестерова, который изобличил Гагарина). В подрядных махинациях были уличены высокопоставленные вельможи, пользующиеся доверием царя, — адмирал Ф.М. Апраксин (трижды привлекался к судебной ответственности, но и при доказанности вины были «учтены» его заслуги перед государством и он не был сурово наказан, ограничились лишь большим денежным штрафом), канцлер Г.И. Головкин, один из соратников Петра ещё с конца XVII в., А.В. Кикин (оштрафован и ненадолго отправлен в ссылку), первый обер-комиссар Канцелярии городских дел У.А. Синявин (ведал застройкой Петербурга). Царские сановники с помощью других служивых людей в течение четырёх лет заключали подряды на поставку провианта по завышенным ценам. А для того чтобы замаскировать свою причастность к контрактам, они заключали их на подставных лиц. По некоторым сведениям, начёт на князя Меншикова (руководителя группы) составил 1 581 519 руб.

► ► Известны многочисленные эпизоды коррупционной деятельности фаворита Петра I князя Александра Меншикова, который окружил себя такими же казнокрадами и взяточниками. При строительстве новой столицы — Санкт-Петербурга — роскошное здание Двенадцати коллегий, которое должно было украшать набережную Невы, оказалось повернутым к реке торцом только потому, что петербургский генерал-губернатор решил на месте правительственного здания выстроить себе дворец. Деньги на строительство, конечно, брались из казны. Царский фаворит трижды попадал под розыск по обвинению «в произвольном обращении с казённым интересом». Но особое отношение царя избавило Меншикова от полноценного наказания.

По примеру высших чинов возможность нажать капитал за счёт государства не упускали и заводчики, и купцы, и другие подданные. По рассказам современников, однажды в Сенате Пётр пригрозил издать указ, по которому всякий, кто украдёт у казны сумму, на которую можно купить верёвку, будет повешен. Известно замечание по этому поводу генерал-прокурора Ягужинского: «Неужели вы хотите остаться императором без служителей и подданных? Мы все ворует с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой». И императору пришлось смириться.

Если в первой четверти столетия наблюдалось усиление борьбы со злоупотреблениями в сфере государственной службы вплоть до применения к виновным высшей меры наказания — «казнить смертью», то с изданием в 1726 г. Указа Екатерины I эта борьба становится формальной¹. Лихоимством стало считаться только «чрезмерное» взяточничество. Жалованье чиновникам отменили, и «кормление от дел» вновь стало для госслужащих единственным способом не умереть с голоду.

Царский двор оставался средоточием коррупции. Способствовал её развитию получивший широкое распространение фаворитизм, в полной мере расцветший в эпоху всесильного Бироны, при Анне Иоанновне, когда придворные беззастенчиво грабили национальные богатства.

При этом преступные деяния по-прежнему карались законом, поиск системы противодействия продолжался. Подтверждение тому, в частности, в Указе Анны Иоанновны от 7 ноября 1739 г. «О взыскании за похищенное из казны и за взятки», в Указе от 6 марта 1761 г. «О запрещении взяток и задержки при осмотре проезжающих па заставах», изданном Елизаветой Петровной. «Ненасытная жажда корысти, — укоряла взяточников императрица Елизавета Петровна, — дошла до того, что некоторые места, учреждаемые для правосудия, сделались торжищем, лихоимство и пристрастие — предводительством судей, а потворство и опущение — одобрением беззаконникам». Однако причинам взяточничества правительство не уделяло должного внимания, а без их установления и искоренения уничтожить эти негативные явления невозможно.

Такое направление государственной политики в области борьбы с должностными преступлениями просуществовало до Екатерины II, которой досталось тяжкое наследство в виде практически полностью коррумпированного двора.

Однако в отличие от своих предшественников императрица не ограничилась нравоучениями и показательной расправой над взяточником. Императрица, узнав, что в Новгородской губернии необходимо было дать взятку для того, чтобы быть допущенным к присяге новой императрице, писала: «Сердце Наше содрогнулось, когда Мы услышали... что какой-то регистратор Яков Ренберг, приводя ныне к присяге Нам в верности бедных людей, брал и за это с каждого себе деньги, кто присягал. Этого Ренберга Мы и повелили сослать на вечное житие в Сибирь на каторгу и поступили так только из милосердия, поскольку он за такое ужасное... преступление по справедливости должен быть лишён жизни». Результатом стало появление в 1762 г. Указа Екатерины II «Об держании судей и чиновников от лихоимства».

Указ Екатерины II от 18 июля 1762 г.

«Об держании судей и чиновников от лихоимства»

...Мы уже от давнего времени слышали много, а теперь и на деле увидели, до какой степени в государстве нашем

лихоимство возросло, так, что едва ли есть самое малое место правительства, в котором... суд без заражения этой язвой отправлялся. Ищет ли кто места — платит, защищается ли кто от клеветы — обороняется деньгами, клеветает ли кто на кого — все происки свои хитрые подкрепляет дарами. Более того, многие судящие освящённое своё место, в котором они именем Нашим должны показывать правосудие, в торжище превращают, вмняя себе вверенное от Нас звание судии... за пожалованный будто бы доход в поправление своего благосостояния, а не за службу, приносимую Богу, Нам и Отечеству, и мздоимством богомерзким претворяют клевету в праведный донос, разорение государственных доходов в прибыль государственную, а иногда нищего делают богатым, а богатого — нищим...

Однако сильное Наше на Бога упование и природное Наше великодушие не лишают Нас ещё надежды, чтоб все те, которые почувствуют от сего милосердного к ним напоминания некоторое в совести своей обличение, поймут, сколь великое зло есть в государственных делах мздоимство... Но если... увещание милосердное не подействует... то пусть они знают, что Мы направленные против этого зла законы... впредь твёрдо исполнять будем... не дав уже более милосердию Нашему места. Почему и никто, обвинённый в лихоимстве (ежели только жалоба до Нас дойдёт праведная)... не избежит Нашего гнева, так как Мы милость и суд в пути непорочном царствования Нашего народу обещали.

Указ устанавливал жалованье чинам и грозил смертной казнью. Единственным законодательным актом, которым Екатерина II дарил частичное прощение лицам, виновным в преступлениях по должности, был Манифест по случаю её коронации от 22 сентября 1762 г. Так, например, лишение чина было заменено вычетом годового жалованья, смертная казнь или вечная ссылка дворянам и чиновным людям заменялись отнятием чинов и оставлением без наказания, с тем, чтобы впредь ни к каким делам не определять. Упущения до 500 рублей прощались полностью.

15 декабря 1763 г. Екатерина издала манифест о назначении фиксированного жалованья чиновникам. Этот манифест стал крупным шагом вперед в деле упорядочения внутреннего управления России. Годовой оклад служащего средней руки составлял 30 рублей в уездных, 60 рублей в губернских и 100—150 рублей в центральных и высших учреждениях, при этом пуд зерна стоил 10—15 копеек. Но одним назначением жалованья нельзя было ограничиться, и за 35 лет службы была назначена пенсия. Предполагалось, что жалование и пенсия, назначаемая за беспорочную службу, должны были остановить взяточничество государственных служащих.

Императрица имела все основания требовать от чиновников честности и неподкупности. Но тем не менее, когда Екатерина II ознакомилась с результатами ревизии Белгородской губернии, то выпустила дополнительно указ, который гласил: «Многократно в народ печатными указами было повторяемо, что взятки и мздоимство развращают правосудие и утесняют бедствующих. Сей вкоренившийся в народе порок ещё при восшествии Нашем на престол принудил Нас... манифестом объявить в народ Наше увещание, дабы те, которые заражены ещё сею страстью, отправляя суд так, как дело Божие, воздержались от такого зла, а в случае их преступления и за тем Нашим увещанием не ожидали бы более Нашего помилования. Но, к чрезмерному Нашему сожалению, открылось, что и теперь нашлись такие, которые мздоимствовали к утеснению многих и в повреждение Нашего интереса, а что паче всего, будучи сами начальствующие и обязанные собой представлять образец хранения законов подчинённым своим, те самые преступники учинились и в то же зло завели».

Только после пугачевского бунта, выявившего многие проблемы управления, Екатерина II окончательно решает вопрос о ежемесячном и несколько увеличенном жаловании чиновникам, но расхождения в размерах оплаты нижних, средних и высших чинов сохранялись и были огромными.

В своих пьесах и журнальных статьях Екатерина II нередко выводила взяточников как главных персонажей. Однако в целом должной принципиальности в действиях правительства не было. Так, уличённый в мздоимстве генерал-прокурор сената Александр Глебов был просто перемещён с понижением наместником в Смоленск. Когда французский посланник граф Сегюр попытался поговорить с Екатериной Великой о взяточничестве и воровстве чиновников, она отнеслась к его сетованиям спокойно: «Вы отчасти правы, отчасти нет, любезный граф. Что меня обкрадывают, как и других, с этим я согласна. Я в этом уверилась сама, собственными глазами, потому что раз утром рано видела из моего окна, как потихоньку выносили из дворца огромные корзины — и, разумеется, не пустые».

Стоит отметить, что коррупция была распространена среди высших чиновников не только в России. Например, бессменный министр иностранных дел Франции Талейран слыл как один из самых больших коррупционеров той эпохи.

В целом XVIII век характеризовался противоречивым отношением со стороны правителей к лихоимству. В этой ситуации честному чиновнику было просто неоткуда взяться, ведь от- личить «кормление» от взятки, даваемой за решение проблемы в обход закона, часто было невозможно. Да и верховная власть, издавая грозные указы, боролась со взятками скорее для порядка, чем в расчете на победу.

Показательные наказания коррумпированных чиновников обычно не давали серьёзного результата, потому что на место разжалованных или казнённых появлялись новые. Поскольку у центрального правительства обычно не было сил для тотального контроля над деятельностью чиновников, оно обычно довольствовалось поддержанием некоей «терпимой нормы» коррупции, пресекая лишь слишком опасные её проявления. Тем не менее поиск системы сдержек лихоимства и взяточничества продолжался.

На острове Ява в XVIII в. был введён, например, налог на взятки. Остров находился в колониальной зависимости от Голландии. Как отмечали современники, коррупция там, как и в метрополии, достигала невероятных размеров. Например, генерал-губернатор с жалованьем 700 гульденов в год привозил домой состояние в 10 млн гульденов, младший торговец платил (официально!) 3500 гульденов за назначение на пост с окладом 40 гульденов в месяц и получал на этой должности годовой доход до 40 тыс. гульденов. Фактически это был институт «кормления» от должности.

Итак, существовали социально-политические противоречия в государственном управлении — с одной стороны, власть стремилась ограничить незаконное обогащение чиновников, вводила законодательные меры борьбы с проявлениями коррупции, с другой — низкие оклады большинства чиновников вынуждали прибегать к вымогательству, коррупционным действиям. Причина этого явления — в несовершенстве системы управления, непоследовательности реформ, в традиционализме феодальной системы отношений, нерешительности обновления российского чиновничества. Борьба с коррупцией оставалась явлением государственного значения.

После смерти Екатерины II ситуация со взятками стала ещё более отчаянной.

В конце XVIII столетия Павел I издал ряд указов о борьбе с хищениями в армии и на флоте. С 1798 по 1800 г. было проведено 56 судебных процессов над офицерами, чиновниками. 35 из подсудимых наказали: конфисковали имущество, уволили, отправили в ссылку или на каторгу¹.

МОДУЛЬ 5. Злоупотребление должностных лиц в I половине XIX века.

Проведённые государственные реформы в начале правления Александра I (1801—1811) лишь способствовали укреплению бюрократии. Указ Александра I от 18 ноября 1802 г. подтверждал, что лихоимство, взятки в Российской империи распространяются между теми должностными лицами, которые должны бы были их пресекать, искоренять (в качестве положительного примера можно вспомнить деятельность военного министра того времени А.А. Аракчеева, который достаточно много сделал по наведению порядка в армейской финансово-хозяйственной отчётности). 10 марта 1812 г. последовал Указ о запрещении приносить подарки начальникам губерний и другим губернским служащим. Проект, подготовленный в 1813 г., реализован не был. По оценкам современников, он был слабо разработан теоретически ввиду того, что его составители не учли «исторический материал». В частности, проект устанавливал ответственность только за взяточничество судебное и взяточничество при сборах податей, пошлин и других казённых доходов. Никаких иных видов взяточничества проект не предусматривал в силу ошибочности мнения его составителей, что «поборы административных чиновников потому и должны быть наказуемы, что они касаются интересов казны, а не общества»¹.

На деле взятка чаще оставалась неуловимой. Взяткодатели же считали вполне уместным и естественным умеренные «подношения» чиновнику за малооплачиваемый труд. Взятка во многих случаях выплачивалась не за нарушение закона, а за следование закону и ускорение дела. Разлагающее влияние взятки на госаппарат и всё российское общество и тогда было огромным. Мемуаристы конца XVIII — начала XIX в. рассказывали, как они сами давали, а то и брали взятки. Например, Г.Р. Державин давал, а помощник губернского прокурора Г.И. Добрынин брал, но «не из жадности, а от стыда, что... живёт хуже всякого секретаря». Связь между злоупотреблениями и материальной необеспеченностью российских чиновников отмечали посещавшие Россию иностранцы. «Отнимите у наших немецких должностных людей три части их оклада... не дав им никакого рода вознаграждения, и увидите, что они будут делать», — писал один из них. А директор Царскосельского лицея В.Ф. Малиновский огорчался, что власти искушают честность, оставляя её в бедности. Правители же по-прежнему издавали указы, не решавшие проблему, а в частных беседах сетовали на поголовное воровство и взяточничество. «Непостижимо, что происходит, — говорил Александр I своему воспитателю, швейцарцу по рождению и республиканцу по убеждению, Ф. Лагарпу. — Все грабят, почти не встретишь честного человека. Это ужасно!».

Итак, указ Петра I «О воспрещении взяток и посулов» был развит в законодательных актах правительств других государств. Но взяточничество оставалось негласной статьёй доходов чиновников всех рангов. Расширялся круг коррупционных правонарушений — к взяткам приравнивались незаконные поборы с населения при сборе податей, принесении присяги, оформлении документов, вымогательство. Особая борьба была против казно крадства, растраты казённых денег; своеобразным составом преступления против казны считалась расточительность, появился новый вид лихоимства — подлог. Фактически взятки превратились в механизм государственного управления.

Интересные сведения приведены в статье А. Малахова «Табель о взятках». Например, помещики всех губерний Право-бережной Украины ежегодно собирали для полицейских чинов крупную сумму. Киевский губернатор И.И. Фундуклей, знаменитый своим богатством, полагал, что если помещики не будут выделять средства на содержание чиновников полиции, «то средства эти они получают от воров». Крупные суммы чиновникам выплачивали так называемые откупщики, желавшие получить привилегии на ведение той или иной деятельности. По воспоминаниям чиновника М.А. Дмитриева, служившего в Симбирской губернии в 30-е гг. XIX в., один из откупщиков ежегодно платил губернатору 10 000 рублей, а прокурору, «как человеку слабому и безгласному», — 3000 рублей. Сенатор М.П. Веселовский, начавший службу в Нижнем Новгороде, писал: «Откупщик вернее, чем табель о рангах или штатные положения, определял удельный вес каждого должностного лица. Тот, кому откупщик платил много, высоко стоял в служебной иерархии; кому

он платил мало — стоял низко; кому он вовсе не платил — представлялся не более как мелкой сошкой».

В Историческом музее были найдены отчёты о том, кому и сколько давали управляющие именьями князей Голицыных. Эти ведомости составлялись на протяжении более 50 лет и озаглавливались, например так: «Ведомость <...> какое количество с мая 1814 по май же 1815 г. губернского города Перми и уездов одного господам присутствующим и прочим чиновникам для снискания благосклонности по делам ваших сиятельств выдано наличными деньгами, хлебными припасами, провизией и прочим...» В середине XIX в. управляющие пытались выдавать взятки за акты благотворительности, поэтому их отчёты стали называться «ведомостями о расходах в пособие господам чиновникам», «ведомостями о презентях чиновникам». В этих ведомостях перечислялись фамилии чиновников и сколько денег, муки, сена, овса и другого они получили. Указывались и услуги, например, «за расположение при разыскании межи», «за полезное решение по нашей апелляционной жалобе», «за полезное составление справки». При этом суммы подкупа мелких чиновников редко превышали 150 рублей в год¹.

Сумма взяток возрастала во много раз, если дело решалось в столице. Так, например, тяжба о спорном селе, которую князя Голицыны вели в 1830 г., согласно ведомости стоила им 6000 рублей: «Обер-секретарю — 3000 рублей, секретарю — 2000 рублей... регистратору также за услуги по сему делу — 200 рублей, и на угощение последних троих употреблено в разное время 75 рублей...» Суммы, которые получали от Голицыных чиновники, в несколько раз превышали их жалованье. Так, уездному судье к годовому окладу в 300 рублей князя добавляли деньгами и продуктами 600–1600 рублей, а земскому исправнику, жалованье которого составляло 250 рублей, 1000–1800 рублей.

► Один из современников в письме от 28 декабря 1825 г. императору Николаю I сообщал, что «лихоимство заседает в судилищах, где защищается не жизнь, честь и достояние гражданина; но продаются пристрастные решения за золото и другие выгоды». В августе 1827 г. императору Николаю I была направлена «Записка Высочайше учрежденного Комитета для соображения законов о лихоимстве и положения предварительного заключения о мерах к истреблению сего преступления». В ней рассматривались причины распространения коррупционных отношений в государственном аппарате. В частности, среди основных причин названы такие, как невысокий уровень нравственности, «редкость людей истинно правосудных», «склонность к любостыжанию, самим устройством жизни непрестанно раздражаемая и никакими действительными препонами не стесняемая»; низкий материальный уровень достатка чиновников, которые «...не преподают никаких средств к приличному себя содержанию... не дают ни малейшей возможности за удовлетворением ежедневных жизненных потребностей уделить что-то на воспитание детей, на первое вспомоществование при определении их на службу, или хотя на малое награждение дочерей при выдаче в замужество»; несоразмерность наказания и преступления, что способствует тому, что служащий употребляет вверенную ему власть «в пользу корыстных видов...». Также давалась классификация форм коррупционных действий. Формы коррупционного поведения, в частности подкупов, «бывают различны: подарки, посулы, обещания, предложения услуг собственных своих покровителей, прельщения всякого рода; угадывают склонности Судей, отыскивают знакомства их и связи; если кого-то из них не успеют задобрить лично, то стараются подкупить в родственнике, в друге, в благодетеле». Предполагались следующие первоочередные меры борьбы с коррупцией: «скорейшее издание полного систематического свода законов, какие по каждой отрасли Государственного Правления должны служить единообразным руководством в производстве и решении дел без изъятия»; «отмена законов тех, кои очевидно способствуют к умышленным проволочкам, притеснениям и к вынуждению взяток»; «установление во всех частях Государственного управления таких окладов жалования, кои бы сколько-нибудь соразмерны были с потребностями существования в том звании, в каком кто проходит поприще службы, и тем самым останавливали бы служащих от поползновения к самовольному в крайности удовлетворению сих потребностей лихоимством»; «установление справедливой соразмерности в наказаниях» так, чтобы «вред или чувствительность наказания превосходила выгоду, приобретаемую от преступления», а «чувствительность наказания за повторённое преступление превосходила выгоду не только приобретенную чрез преступление, но и всю ту выгоду, которая могла бы приобретена быть чрез все повторённые преступления в человеке, в коем порок обратился в привычку»; «строжайшее не на одной бумаге, но на самом деле наблюдение за точным исполнением Высочайших Указов, ограждающих судебную власть от влияния Главнначальствующих в разных частях Государственного управления»; «введение гласности в производстве суда, и вообще в отправлении канцелярской службы, исключая тех только дел, которые по особенной важности Высшим Правительством из сего изъёмлемы будут». Таким образом, основным средством борьбы с продажностью чиновничества признавалось создание правовой базы, повышение денежного содержания госслужащих, установление соразмерных с должностным нарушением мер наказания.

Считая борьбу с должностными злоупотреблениями одной из основных задач государства, Николай I продолжал искать пути к искоренению этих деяний. Одной из таких мер стало образование в 1826 г. третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. По мнению императора, для борьбы со злоупотреблениями должностных лиц необходимо было установить повсеместный контроль над их деятельностью.

МОДУЛЬ 6. Злоупотребление должностных лиц во II половине XIX века.

В середине XIX в. в правительственных кругах наблюдалась та же непоследовательность в борьбе с должностной преступностью, что и ранее. Несмотря на общее негативное отношение к взяточничеству, к отдельным лихоимцам правительство было по-прежнему снисходительно. Так, в 1840 г. чиновник для особых поручений при киевском генерал-губернаторе Писарев получил взятку от польских дворян в размере 46 тыс. руб., а в 1847 г. — ещё 35 тыс. руб. от волынских помещиков, но ему было пожаловано придворное звание камергера, а впоследствии он был назначен олонецким губернатором.

В утвержденном императором 15 августа 1845 г. «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» предусматривалось два вида взяткополучательства: лихоимство и мздоимство (так называлась глава Закона). Статья 372 Уложения под лихоимством

понимала принятие чиновником подарков лично или через посредников без нарушений обязанностей по службе. В статьях 373—376 Уложения предусматривалась ответственность за мздоимство, то есть за «получение материального подарка для совершения противоправных обязанностей службы деяния»¹. Уложение 1845 г. действовало в борьбе с коррупцией вплоть до 1917 г. В целом же при Николае I коррупция замалчивалась.

В XIX в. коррупционные преступления проникли во все звенья государственного аппарата. В личном дневнике, охватывающем 1873—1899 гг., один из бывших высших чиновников империи, военный министр Д.А. Милютин с негодованием вспоминал факты неприкрытого хищничества: один из великих князей при своём казённом заводе; другой, несмотря на героическое сопротивление тому министру финансов М.Х. Рейтерна, получил несколько миллионов золотом «для заграничных расходов»; княгиня Долгорукова (сестра Екатерины, любовницы Александра III) незаконно продавала казённые концессии на железные дороги¹. Более того, сам Александр II не препятствовал тому, чтобы при распределении концессий на железнодорожное строительство выигрывали прежде всего его фавориты.

Во второй половине XIX в. по проблеме коррупции чиновничества появились первые теоретические научные исследования мздоимства, взятки, её социокультурных национальных особенностей. В то время как на всём протяжении XVIII и XIX вв. и в начале XX в. правительство «одной рукой энергично и бесплодно искореняло взяточничество, оно другою рукою столь же энергично, но уже и вполне успешно насаждало условия, по необходимости рождающие новое поколение взяточников». Автор этих строк русский исследователь П.А. Берлин также считал, что подлинное объяснение непотопляемости российского взяточничества нужно искать в том, что оно у нас «неразрывно слилось и срослось со всем строем и укладом политической жизни... Стремясь привязать к себе чиновничество крепкими узами... правительство сквозь пальцы смотрело на обогащение с помощью взяток и обмана казны», а «люди, получавшие взятки, и люди, их дававшие, одновременно обогатели за один общий счёт — казённый»².

Большое впечатление на русскую общественность произвело специальное исследование доходов чиновничества. По подсчётам Н.А. Рубакина (на основе данных всеобщей переписи населения 1897 г. и ряда других официальных документов) критерий доходов резко делил чиновничество конца XIX в. (435 818 человек: из них менее одной четверти получали содержание более 1000 рублей в год, остальные — значительно меньше. Встречались и такие, которые получали всего 7 рублей в месяц (как их именовали в печати — «рабы государственной службы»). При этом на рубеже XX в. фунт хлеба стоил около 4 копеек, фунт говядины — 10, десяток яиц — 40, фунт сливочного масла — 75. Государственные чиновники получали «квартирные деньги» в размере $\frac{1}{5}$ жалования, но как показало исследование квартирного вопроса в среде чиновничества, проведённое Н. Бенедиктовым, этих добавок не хватало, рядовое чиновничество ютилось в сырых, тёмных помещениях без удобств¹. Такие условия подталкивали чиновников к взяточничеству.

Русский человек, на протяжении своей жизни неоднократно сталкиваясь с беззаконием и мздоимством, описывал этот распространённый порок. Еще в Средневековье появились образы «Шемякина суда» и «московской волокиты», а чиновника называли не иначе как «крапивным семенем». Коррупция нашла стихийное отражение и в языке: «богопротивное лакомство» (Пётр Великий), «произвольное самовознаграждение» (С.С. Уваров), «служебные сладости» (М.Е. Салтыков-Щедрин) и т. п. В словаре Даля множество пословиц на тему взяточничества: «Судьям то и полезно, что в карман полезло», «Всяк подьячий любит калач горячий», «В суд ногой — в карман рукой», «Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода принос» и др. Российское мздоимство обессмертили в своих произведениях русские писатели Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.И. Лажечников, А.В. Сухо-во-Ко-былин и многие другие. Не обошли этот порок и баснописцы. В начале XIX в. великий И.П. Крылов написал басню «Лисица и сурок» (ок. 1813 г.):

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?» —

Лисицу спрашивал Сурок.

«Ох, мой голубчик-куманёк!

Терплю напраслину и выслана за взятки.

Ты знаешь, я была в курятнике судьяй,

Утратила в делах здоровье и покой,

В трудах куска недоедала,

Ночей недосыпала:

И я ж за то под гнев подпала;

А всё по клеветам. Ну, сам подумай ты:

Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?

Мне взятки брать? да разве я взбешуся!

Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,

Чтоб этому была причастна я греху?

Подумай, вспомни хорошенько». —

«Нет, кумушка; а видывал частенько,

Что рыльце у тебя в пуху».

Иной при месте так вздыхает,

Как будто рубль последний доживает:

И подлинно, весь город знает,

Что у него ни за собой,

Ни за женой, —

А смотришь, помаленьку,

То домик выстроит, то купит деревеньку.

Теперь, как у него приход с расходом свесть,

Хоть по суду и не докажешь,

Но как не согрешишь, не скажешь:

Что у него пушок на рыльце есть.

В пьесах А.Н. Островского поставлена проблема коррупции государственного аппарата. Злоупотребления и беззакония трактовались в его произведениях не как порождение последнего царствования, а выступали как следствие длинной цепи исторических обстоятельств, борьба с которыми имеет также свою историческую традицию.

От уверенности героев «Доходного места» (1857) Юсова, Вышневого, Белогубова в том, что государственная служба — источник дохода и что должность чиновника даёт им право облагать данью население, от их убеждённости в том, что их личное благополучие означает благополучие государства, а попытка сопротивляться их засилью и самоуправству — посягательство на святая святых, прямая нить тянется к нравам правителей той отдалённой эпохи, когда воеводу посылали в город «на кормление». Мздоимец и насильник Нечай Шалыгин из «Воеводы» (1864) оказывается пращуром современных казнокрадов и взяточников. В качестве героя, воплощающего эту традицию, в «Воеводе» изображён легендарный разбойник Худояр, который

...народ не грабил И рук не кровянил; а на богатых Кладёт оброк, служилых да подьячий Не жалует и нас, дворян поместных,

Пугает крепко...

Этот народный герой в драме идентифицируется с беглым посадским, скрывающимся от притеснений воеводы и объединившим вокруг себя обиженных и недовольных. Многозначно окончание пьесы — победа жителей волжского города, сумевших «свалить» воеводу, влечёт за собой приезд нового воеводы, появление которого ознаменовано сбором с посадских «поминок», чтобы «почествовать» вновь прибывшего¹. Диалог двух народных хором о воеводах свидетельствует о том, что, избавившись от Шалыгина, горожане не «избыли» беды:

Старые посадские

Ну, старый плох, каков-то новый будет.

Молодые посадские

Да, надо быть, такой же, коль не хуже.

В художественной литературе этого периода много писали о взяточниках среди государственных служащих. Николай Греч, известный публицист 1820—1860-х гг., сторонник консервативных взглядов, писал: «У нас злоупотребления срослись с общественным бытом, сделались необходимым его элементом. Может ли существовать порядок и благоденствие в стране, где из 60 миллионов нельзя набрать 8 умных министров и 50 честных губернаторов, где воровство, грабёж и взятки являются на каждом шагу, где нет правды в управлении».

Известный советский литературовед Ю.М. Лотман (1922—1994) писал: «Чиновник в общественном сознании ассоциировался с крючкотвором и взяточником. Уже А. Сумароков, Д. Фонвизин и особенно В. Капнист в комедии „Ябеда“ (1796) запечатлевают именно такой стереотип общественного восприятия. Не случайно исключением в общественной оценке были чиновники иностранной коллегии, чья служба для взяткобрателя не была заманчивой, но зато давала простор честолюбивым видам... Чиновник же других коллегий, особенно подьячий, по выражению Сумарокова — „кувшинное рыло“, Гоголю рисовался в облике неопрятного существа и безжалостного взяточбрателя. Капнист в комедии „Ябеда“ заставил хор провинциальных чиновников петь куплет: „Бери, большой тут нет науки; Бери, что можно только взять. На что ж привешены нам руки, Как не на то, чтоб брать?“... Гоголевский По-прищин („Записки сумасшедшего“) рисует такой портрет чиновника „в губернском правлении, гражданских и казённых палатах“: „Там, смотришь, иной прижался в самом уголку и пописывает. Фрачишка на нём гадкой, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую он дачу нанимает! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси к нему: „это“, говорит, „докторский подарок“; а ему давай пару рысаков, или дрожки, или бобёр рублей в триста. С виду такой тихенькой, говорит так деликатно: „Одолжите ножичка починить перышко“, а там обчистит так, что только одну рубашку оставит на просителе...“. Например, в течение царствования Екатерины II несколько раз издавался закон, запрещающий брать взятки. Сама Екатерина II прекрасно знала, что закон этот исполняться не будет. Более того: она смотрела на взяточничество сквозь пальцы. Конечно, императрица могла и посмеяться над вельможами-взяточниками: так, Р. Воронцова она назвала Роман — большой карман, а другому подарила вязаный кошелек — для складывания взяток. Однако Екатерина прекрасно знала, что если убрать одного взяточника, то его место займёт другой. Как-то она, с присущим ей трезвым цинизмом, сказала Державину, что генерал-губернатор, долго служивший, уже наворовался, а новый только ещё начнёт воровать»¹.

Справедливости ради надо отметить людей, которые могут быть причислены к знаменитым людям в нашей истории, так как свято исполняли свой долг: честными хранителями казны были сенатор, президент Ревизионной коллегии, сподвижник Петра I князь Я.Ф. Долгоруков (1639—1720) и известный гидрограф и картограф Ф.И. Соймонов (1692—1780). Последний был определён в Адмиралтейств-коллегию «для надзора при сочинении подробных ведомостей с 1734 по текущий о расходах денежной казны», где раскрыл ряд упущений и растрат, нажил себе множество врагов, в том числе Бирона, был обвинён в измене и сослан. Не брал взятку управляющий Санкт-Петербургской таможней Александр Радищев. Примером высокой нравственности, неподкупности остаётся выдающийся юрист А.Ф. Кони (1844—1927). Однако чиновник, отказывающийся от вознаграждения, многим обывателям казался странным и подозрительным, а его коллеги старались всеми средствами, в том числе и клеветой, избавиться от такой «белой вороны» в своих рядах.

Вступивший на престол в 1881 г. Александр III оценил уже сделанное его предшественниками и обратил внимание на законодательное решение проблемы злоупотреблений должностных лиц. Уже имелся опыт создания Свода законов и Уложения о наказаниях, признававших взяточничество и лихоимство чрезвычайно опасными для общества и государства должностными преступлениями. На основании высочайшего повеления, данного 22 апреля 1881 г., был учреждён Комитет для выработки проекта

ГТУ В 1893 г. редакционный комитет Санкт-Петербургского юридического общества представил замечания на данный проект. Одним из дискуссионных был вопрос об ответственности за взяточничество (лихоимство). В проекте Редакционной комиссии ответственность за принятие взятки, данной с целью побуждения к совершению преступного деяния посредством злоупотребления служебными полномочиями или к учинению служебной провинности (ст. 35), устанавливалась равной ответственности за принятие взятки, если она уже была дана (ст. 36), — заключение в тюрьму на срок не ниже шести месяцев. Тем самым Комиссия попыталась устранить пробел в законодательстве относительно отсутствия ответственности за принятие взятки за уже совершённое противоправное служебное деяние, ведь если «закон воспрещает даже частным лицам восхвалять публично преступника или преступления, то, конечно, он не должен оставлять без строгого взыскания и служащего, принимающего мзду за поправление им своих служебных обязанностей, по крайней мере, дотеле, покуда он продолжает оставаться на службе, хотя бы и не по тому ведомству, во время служения в коем учинено им преступное деяние»¹. Кроме того, важно отметить, что устанавливалась ответственность за взятку, полученную не только от частного лица, но и полученную в результате служебного притеснения от другого служащего. По проекту Комиссии предполагалось установить ответственность за взяточничество начальствующих лиц, которым вверен надзор или контроль по службе, если они будут признаны виновными во взяточничестве со своих подчинённых или состоящих под их контролем или надзором служащих (ст. 34).